

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.44.25>**А. И. КУПРИН И Г. ИБСЕН: ОПЫТ КОМПАРАТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗОВ ШУРОЧКИ И ГЕДДЫ ГАБЛЕР**

Научная статья

Мещерякова Л.А.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-9416-8220;¹ Пензенский государственный университет, Пенза, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (lam050499[at]gmail.com)

Аннотация

Статья посвящена типологическому сходству главных героинь «Поединка» А.И. Куприна и «Гедды Габлер» Г. Ибсена. Рассматриваются история постановки спектакля на российской сцене, а также факты биографии Куприна, которые свидетельствуют об интересе писателя к творчеству норвежского драматурга. Высказывается предположение, что героиня Ибсена определенным образом повлияла на создание Куприным образа Александры Петровны Николаевой. Ибсен и Куприн вписаны в общеевропейское культурное пространство, внутри которого русские и европейские писатели на рубеже XIX-XX веков проходят сходные мировоззренческие и эстетические этапы развития, вызванные историческими, социально-политическими и культурными переменами, породившими в искусстве целый ряд модернистских течений. Подчеркивается творческая индивидуальность русского писателя.

Ключевые слова: А. И. Куприн, Г. Ибсен, Гедда Габлер, Шурочка, боваризм.**A. I. KUPRIN AND H. IBSEN: A COMPARATIVE STUDY OF THE CHARACTERS OF SHUROCHKA AND GEDDA GABLER**

Research article

Meshcheryakova L.A.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-9416-8220;¹ Penza State University, Penza, Russian Federation

* Corresponding author (lam050499[at]gmail.com)

Abstract

The article is dedicated to the typological similarity of the main heroines of A.I. Kuprin's "The Duel" and G.Ibsen's "Gedda Gabler". The history of staging the play on the Russian stage is reviewed, as well as facts of Kuprin's biography, which testify to the writer's interest in the work of the Norwegian playwright. It is suggested that Ibsen's heroine in a certain way influenced Kuprin's creation of the image of Alexandra Petrovna Nikolaeva. Ibsen and Kuprin are inscribed in the pan-European cultural space, within which Russian and European writers at the turn of the XIX-XX centuries undergo similar worldview and aesthetic stages of development, caused by historical, socio-political and cultural changes that gave rise to a number of modernist trends in art. The creative individuality of the Russian writer is emphasized.

Keywords: A. I. Kuprin, H. Ibsen, Gedda Gabler, Shurochka, bovarism.**Введение**

О том, что Генрик Ибсен (1828-1906) был включен в орбиту личных и творческих интересов Александра Ивановича Куприна, свидетельствуют многие факты. К периоду вхождения Куприна в литературу Ибсен был уже состоявшимся и всемирно известным драматургом. Современники Куприна, в том числе и его близкие знакомые, оставили немало высказываний о личности и творчестве норвежского драматурга. Среди них Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, К.С. Станиславский, О.Л. Книппер-Чехова, Л.Н. Андреев, Вл. И. Немирович-Данченко, В.Э. Мейерхольд, М.А. Волошин, А. Блок, А. Белый, И.Ф. Анненский, В.В. Розанов и многие другие. Как пишет исследователь связей Блока с Ибсеном В.М. Толмачев, Ибсен «...вошел в моду приблизительно в 1897-1898 гг., отвоёван у натурализма (такowymi воспринимались постановки МХТ начала 1900-х гг.), включен в канон западных «предтеч» русского символизма, а его пьесы многократно ставятся на сцене, получают самую разную сценическую интерпретацию» [15, С. 49]. А.И. Куприн также оставил некоторые свидетельства личного интереса к творчеству Г. Ибсена. Однозначного ответа на вопрос, в какой период времени Куприн мог познакомиться с пьесой Г. Ибсена «Гедда Габлер», равно как и прямых признаний писателя о ее влияниях на «Поединок» мы не нашли. Но очевидное сходство образов Гедды Габлер и Шурочки не вызывает сомнений.

Методы и принципы исследования

Применение сравнительно-исторического метода, позволяющего нам выявить определенные влияния пьесы Г. Ибсена «Гедда Габлер» на «Поединок» А.И. Куприна, предполагает в том числе обращение к центральному образу романа Г. Флобера «Госпожа Бовари», вскрывающему генетическую связь Гедды Габлер и Александры Петровны Николаевой. Типологическое сходство трех героинь обусловлено общими тенденциями мирового литературного процесса, породившими такое явление, как «боваризм».

Основные результаты

Пьеса Г. Ибсена «Гедда Габлер», написанная в последний период творчества драматурга, когда «художник ближе подходит к душе отдельного человека» [10], впервые была сыграна на сцене Михайловского театра 21 марта 1892 года, далее 19 февраля 1899 года поставлена в Московском Художественном театре. Изучая судьбу этого произведения на российской сцене (вплоть до нашей современности), М.М. Одесская замечает, что «Гедда Габлер», которая «ставилась на русской сцене чаще других пьес Ибсена, <...> постоянно вызывала полемику и противоречивые отзывы критики, отражающие зачастую непонимание как самой пьесы, так и ее трактовок режиссерами [12, С. 55]. Самые большие трудности вызывало воплощение на сцене образа главной героини, поведение которой казалось загадочным, а финальное самоубийство немотивированным. Европейские и отечественные критики рубежа XIX-XX вв. называли Гедду Габлер «нарциссической личностью», воплощением «нищенской модели поведения», «валькирией времен матриархата» и т.д. [12, С. 57-61].

Интерес русского читателя к творчеству Ибсена особенно активизируется в 1904-1907 гг., по мере выхода в свет Полного собрания сочинений Ибсена в 8 томах в переводах Анны и Петра Ганзен (московское издание С.Скирмунта). К этому же периоду времени, а именно 1905 году, относится выход в свет повести Куприна «Поединок» с дальнейшей ее переделкой для постановки на сцене, в которой по ряду причин акцент был смещен в сторону романтической истории Ромашова и Шурочки [6, С. 160].

Прямых высказываний Куприна об Ибсене сохранилось немного. Известно его письмо к Ф. Батюшкову, написанное в июне 1908 г. в Эссентуках, в котором он сообщает о том, что хочет «прочитать здесь лекцию о новой литературе» и для этой цели просит прислать ему произведения русских и зарубежных писателей, среди которых называет и Ибсена [7]. Лекция была прочитана 25 июля того же года, и Ибсену было отведено в ней несколько строк. Куприн отзывался о нем как о «первой огромной фигуре» в литературе северных стран, называет «драматургом-алгебраистом», использовавшим для решения «символических задач» разнообразные средства. По мнению Куприна, Ибсен «принес себя в жертву разрешению метафизических вопросов», а его «Пер Гюнт», как и другие произведения, еще по-настоящему не оценены. Тогда же Куприн дает интервью газете «Биржевые ведомости», где говорит об Ибсене уже в ироническом контексте, связанном с прижизненной славой этого норвежского писателя, столь несвойственной «русскому большому таланту» [14, С. 282]. Об Ибсене Куприн также вскользь упоминает в очерке «Юг благословенный» (глава IV «Живая вода»), в котором рассказывает о французском рынке, уподобленном «первой репетиции какой-нибудь мистической пьесы Ибсена, Метерлинка или Андреева на огромной сцене...» [9, С. 352].

Как известно, набросок будущей XI главы повести «Поединок» («В казарме») Куприн сделал еще в марте 1902 года. В июле-августе 1904 года начинается интенсивная работа над повестью, и к сентябрю 1904 года две трети написаны. К первоначальному содержанию, полностью соответствующему названию «В казарме», на этом этапе работы и добавляется яркая любовная линия, связывающая Ромашова и Александру Петровну Николаеву. 9 апреля 1905 года повесть «Поединок» была полностью завершена. Пьеса «Гедда Габлер» (1890) была опубликована на русском языке в том же 1904 году в шестом томе упомянутого нами собрания сочинений Ибсена.

«Поединок» Куприна и «Гедда Габлер» Ибсена были написаны в тот период европейской истории, когда на рубеже XIX-XX веков в интеллигентских европейских кругах сильно была тоска по свободной, красивой, гармоничной личности, о которой так самозабвенно грезил Сатин из драмы М. Горького «На дне»: «Чело-век... Это звучит... гордо!» [3, С. 140]. Эту потребность прекрасно иллюстрирует Шурочка в своем обращении к Ромашову: «Ромочка, зачем вы такой... слабый! Зачем вы такой жалкий? Ведь жалость – сестра презрения. Подумайте, я не могу уважать вас. О, если бы вы были сильный!.. Если бы вы могли завоевать себе большое имя, большое положение!.. Если бы я хоть чуть-чуть надеялась на вас, я бросила бы все и пошла за вами...» [8, С. 144]. Так и слышится в этом монологе горьковское: «Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо!» [3, С. 140]. Мужчины, «увенчанные листвою винограда» [4, С. 598], как античный бюст Бахуса, красота, возведенная в культ, «жажда наслаждения жизнью» [4, С. 593] – таков идеал и смысл жизни Гедды Габлер (здесь и далее Ибсен цитируется в переводе В. Беркова и М. Янковского). Купринская Шурочка тоже грезит об иной жизни: «Мне нужно общество, большое, настоящее общество, свет, музыка, поклонение, тонкая лесть, умные собеседники... Я хочу быть прекрасно одетой, красивой, изящной, я хочу... власти» [8, С. 35, 227].

Героинь Куприна и Ибсена многое роднит. Они приблизительно одного возраста. Сближаются некоторые портретные характеристики: цвет лица Гедды – «матово-бледный», у Шурочки – «бледное и смуглое лицо»; обе изящны, одеваются со вкусом; цвет глаз у Гедды серый, с стальным блеском, у Шурочки – сине-голубой. Оба писателя обращают внимание на волосы: они «красивого русого оттенка» у героини Ибсена, а Ромашов отзывался о волосах Шурочки так: «Ты не брюнетка, но в тебе есть что-то цыганское» [8, С. 37].

У них сходное прошлое: обе дочери генералов, в настоящее время замужем не по любви за мужчинами, которые ниже их по социальному положению и воспитанию. И Гедда, и Шурочка предпринимают попытки добиться для своих мужей карьерного роста. Только Шурочка оказывается более энергичной, делает из этого смысл своей жизни, жертвует привязанностью к Ромашову и даже его жизнью. А Гедда Габлер лишь однажды (если не считать уничтожения рукописи соперника) выказала заботу о муже: обмолвилась, что собирается заставить его заняться политикой. Для героинь Ибсена и Куприна нестерпим мещанский быт. Тесману пришлось снять ради Гедды дом и завести обстановку не по средствам. А Шурочка буквально изнемогает от своего «мещанского благополучия», перспективы «стать полковой дамой... сплетничать, интриговать и злиться по поводу разных суточных и прогонных... каких-то грошей». «...я ненавижу до дрожи это мещанское, нищенское офицерское общество» [8, С. 227], – с нескрываемой злобой признается она Ромашову.

До замужества у обеих героинь были отношения с мужчинами, которые закончились не просто разрывом, а настоящей драмой, вызвавшей и у Гедды, и у Шурочки страшное желание физически их уничтожить. Гедда Габлер сначала направляет на Эйлорга Левборга пистолет, а в конце пьесы буквально вкладывает в его руки оружие для «красивого» самоубийства. И Шурочка «с озлоблением» бросает: «Ваш Назанский – противный... Если бы от меня

зависело, я бы этаких людей стреляла, как бешеных собак. Такие офицеры – позор для полка, мерзость!» [8, С. 41]. И это при том, что героини были любимы ими; от них ждали помощи, поддержки для преодоления пагубных пристрастий. Левборг спустя годы допытывается у Гедды: «...неужели за всем этим не таилось ни искры любви? Не говорило ли в вас желание поднять, очистить меня?..» На что Гедда уклончиво отвечает: «Не совсем так» [4, С. 593]. Ответ Шурочки более определенный: «...во мне хватило бы сил и самоотверженности быть вожатым, нянькой, сестрой милосердия при безвольном, опустившемся, нравственно разлагающемся человеке, но я ненавижу чувства жалости и постоянного унижительного всепрощения» [8, С. 55]. Очень важно в данной ситуации понять, почему эти ни к чему не обязывающие отношения вызывают в их душах такую злобу и раздражение. Потому что они чувствуют себя обманутыми: эти мужчины не захотели или не смогли стать такими, какими их хотели видеть. Но на самом деле истинная причина в другом. Очень точно определяет ее Назанский: Шурочка «никогда и никого не любила, кроме себя. В ней пропасть властолюбия, какая-то злая и гордая сила» [8, С. 54]. Ровно то же можно сказать и о Гедде Габлер, ей лишь хочется «держат в своих руках судьбу человека» [4, С. 598]. А еще они не могут не понимать, что самим своим существованием эти мужчины уязвляют их самолюбие, выявляют абсолютную глухоту к истинной красоте и гармонии. И Шурочка, и Гедда остаются абсолютно безучастны к размышлениям о прекрасном будущем и культурном прогрессе, которые захватывают Левборга и Назанского. Их обоих можно назвать разрушительницами, а не созидательницами. Не случайно для их хищно-эгоистических натур нестерпима мысль о деторождении. Ничто не помешало Гедде сжечь рукопись Левборга, хотя хорошо знала, что она для него значила. Гедда жестоко разрушает спасительную связь Левборга и Теи.

Сюжет о скужающей женщине, не мирящейся с жалкой действительностью, желающей жить иной, яркой и в их понимании красивой жизнью, не нов в европейской литературе. Как писал Гюстав Флобер, «в каждой деревушке рыдают Эммы Бовари». «Боваризм» [11, С. 206] – это и есть тот диагноз, который роднит героинь Ибсена и Куприна. Логика жизни неизменно опрокидывает их надежды на счастье. «За что ни схвачусь, куда ни обернусь, – с горечью говорит Гедда Габлер, – всюду так и следует за мной по пятам смешное и пошлое, как проклятье какое-то» [4, С. 623]. И флюберовская Эмма Бовари, и Гедда Габлер делаются заложницами обстоятельств: Эмма Бовари попадает в материальную зависимость к Лере, а Гедда оказывается в руках догадливого асессора Бракка. У таких женщин всегда найдутся скелеты в шкафу. А потому обе героини в конце концов увидели для себя единственно возможный выход – самоубийство. Самоубийство героини Ибсена показалось многим читателям и зрителям фальшивым, нелепым, не подготовленным предшествующим действием пьесы. Другую точку зрения предложил В.Г. Адмони: «Если бы этого выстрела не было, Гедда воспринималась бы просто как бессердечная, эгоистичная, готовая на преступление и вместе с тем холодная и трусливая женщина <...> Но выстрел создает иную перспективу при взгляде на нее. Ее фразы о поисках красоты, о подлинной смелости, о герое, «увенчанном листвою винограда», оказываются не просто фразами капризной женщины, но и подлинной потребностью ее души» [1]. Это высказывание перекликается с впечатлением, которое образ ибсеновской героини произвел на поэта-символиста Александра Блока. «Единственной трагедией» Гедды он назвал «отсутствие трагедии и пустоту мучительно прекрасной души», и «гибель ее – законна» [2, С. 97].

Купринская Шурочка – героиня иного свойства. Как она сама признается, «...я сумею себя держать в каком угодно обществе, во мне есть...такая гибкость души, что я всюду найдусь, ко всему сумею приспособиться» [8, С. 35-36]. Вот именно такая «гибкость души» и отличает Шурочку от прочих флюберовских героинь. «Точно в ней два человека, – говорит Назанский, – один – с сухим, эгоистичным умом, другой – с нежным и страстным сердцем» [8, С. 54]. Обаяние женской красоты, ласки и кокетства неотразимы в ней. От ее гибкого и сильного тела, порывистости и одновременно с этим мягкости движений исходит бесконечное очарование, ласкающая нежность. На пикнике Ромашов был вконец сражен тем новым состоянием ее души, в которой «струится, трепещет и просится наружу какое-то большое, новое, лихорадочное чувство» [8, С. 134], непонятная, горячая, притягивающая сила. То была сила любви, которая овладела героиней и властно заявляла о своих правах. Шурочка не притворщица, не соблазнительница. Она естественна во всех своих порывах и способна на искреннее покаяние. «Я расчетливая, я гадкая, – признается она Ромашову в минуту высочайшего напряжения душевных сил. – ...я молода, умна, образованна. Некрасива. Но я сумею быть интереснее многих красавиц...Я надругаюсь над собой, но сгорю в один миг и ярко, как фейерверк!» [8, С. 227]. Рассудок в ней одерживает верх. При этом она вплоть до последнего свидания не обманывала Ромашова, была честна с ним, напрямую говорила о том, что для нее значит поступление мужа в Генеральный штаб: «Это – мое собственное, любимое, больное дело. Я не могу оторвать от этой мысли своего сердца. Что бы там ни было, но он поступит в академию!» [8, С. 226].

Финал повести Куприна «Поединок» тоже может быть соотнесен с пьесой Ибсена, в которой после самоубийства Гедды дается всего две краткие реплики, последняя из которых – асессора Бракка: «Но, боже милосердный...ведь так не делают!» [4, С. 626]. Повесть Куприна, как мы помним, заканчивается сухим рапортом о состоявшемся между Николаевым и Ромашовым поединке, на котором муж Шурочки, нарушая договоренность, смертельно ранит противника в живот. Именно в живот, а не в висок или хотя бы в грудь, «некрасиво», по мнению Гедды Габлер, получает пулю и Эйлерт Левборг. В отличие от ибсеновской героини, Шурочка Куприна, во всяком случае на страницах повести, пережила смерть любимого человека. Читатель, уже дойдя до последней точки, припоминает последний диалог Ромашова и Назанского накануне дуэли. По сути к Шурочке обращены слова Назанского: «...о человеке, которого вы убили, вы никогда не забудете. Он будет с вами в постели, за столом, в одиночестве и в толпе...» [8, С. 213].

Заключение

Куприн не дает ответа на вопрос, станет ли содеянное мучить героиню. В этом и заключается мастерство писателя, сложность, неоднозначность и психологическая глубина образа Шурочки Николаевой, являющегося закономерной в условиях рубежа веков трансформацией флюберовской героини. Характер Гедды Габлер более прямолинеен, схематичен, не всегда психологически достоверен, подвержен веяниям декадентской поэтики. К.С.Станиславский

усматривал в ее образе черты символизма и импрессионизма [13, С. 287]. Тогда как Куприн «мрачной апологии смерти и разрушения личности в поэзии и прозе декаданта всегда противопоставлял традиции духовного здоровья», утверждение нравственных основ бытия [6, С. 137].

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Адмони В.Г. Генрик Ибсен: Очерк творчества / В.Г. Адмони. — Москва: Художественная литература, 1989. — 275 с. — URL: <http://www.norway-live.ru/library/genrih-ibsen-ocherk-tvorchestva.html> (дата обращения: 20.07.2023).
2. Блок А. А. Собрание сочинений: Драматический театр В.Ф. Комиссаржевской (Письмо из Петербурга) / А. А. Блок. — Москва, Ленинград : Гослитиздат, 1962. — Т. 5.
3. Горький М. Собрание сочинений: На дне / М. Горький. — Москва: Советская Россия, 1990. — Т. 8.
4. Ибсен Г. Библиотека всемирной литературы: Гедда Габлер / Г. Ибсен. — Москва: Художественная литература, 1972. — Т. 87.
5. Кайманова Т.А. Декаденты в творческом восприятии Куприна / Т.А. Кайманова // Купринская энциклопедия / Под ред. Т. А. Кайманова. — Пенза, 2016.
6. Кайманова Т.А. Драматургическое творчество Куприна / Т.А. Кайманова // Купринская энциклопедия / Под ред. Т. А. Кайманова. — Пенза, 2016.
7. Кулешов Ф.И. Творческий путь А.И. Куприна. 1883-1907. Хроника жизни и творчества А.И.Куприна. 1905 - 1911 / Ф.И. Кулешов. — Минск : БГУ, 1983. — 351 с. — URL: <http://kuprin-lit.ru/kuprin/kritika-o-kuprine/kuleshov-tvorcheskij-put/index.htm> (дата обращения: 20.05.2023).
8. Куприн А. И. Собрание сочинений: Поединок / А. И. Куприн. — Москва: Правда, 1964. — Т. 4.
9. Куприн А.И. Собрание сочинений: Юг благословенный / А.И. Куприн. — Москва: Художественная литература, 1973. — Т. 7.
10. Минский Н.М. Генрих Ибсен: Его жизнь и литературная деятельность / Н.М. Минский. — М.: RUGRAM, 2020. — 70 с. — URL: http://az.lib.ru/m/minskij_n_m/text_0130.shtml (дата обращения: 20.05.2023).
11. Моруа А. Литературные портреты / А. Моруа. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. — 512 с.
12. Одесская М.М. «Гедда Габлер» на российской сцене: жизнь во времени / М.М. Одесская // Театр. Живопись. Кино. Музыка. — 2022. — 4. — с. 55-70
13. Станиславский К. С. Собрание сочинений / К. С. Станиславский. — Москва: Искусство, 1954. — Т. 1.
14. Судья и строитель. Писатели России и Запада о Генрике Ибсене / Сост. Б.А. Ерхов. — Москва: Рудомино, 2004. — 528 с.
15. Толмачев В. М. А. Блок и Г. Ибсен: опыт компаративного исследования / В. М. Толмачев // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. — 2016. — 2 (47). — с. 45-61.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Admoni V.G. Henrik Ibsen: Oчерk tvorchestva [Henrik Ibsen: Essay on Creativity] / V.G. Admoni. — Moscow: Fiction Literature, 1989. — 275 p. — URL: <http://www.norway-live.ru/library/genrih-ibsen-ocherk-tvorchestva.html>. (accessed: 20.07.2023) [in Russian]
2. Blok A. A. Sobraenie sochinenij: Dramaticheskij teatr V.F. Komissarzhevskoj (Pis'mo iz Peterburga) [Collected Works: Drama Theater V.F. Komissarzhevskaya (Letter from Petersburg)] / A. A. Blok. — M., Leningrad : Goslitizdat, 1962. — Vol. 5. [in Russian]
3. Gorkii M. Sobraenie sochinenii: Na dne [Collected Works: The Lower Depths] / M. Gorkii. — Moscow: Soviet Russia, 1990. — Vol. 8. [in Russian]
4. Ibsen H. Biblioteka vsemirnoi literaturi: Gedda Gabler [Library of World Literature: Hedda Gabler] / H. Ibsen. — Moscow: Fiction Literature, 1972. — Vol. 87. [in Russian]
5. Kaimanova T.A. Dekadenti v tvorcheskom vospriyatii Kuprina [Decadents in the Creative Perception of Kuprin] / T.A. Kaimanova // Kuprinskaja jenciklopedija [Encyclopedia of Kuprin] / Ed. by T. A. Kaimanova. — Penza, 2016. [in Russian]
6. Kaimanova T.A. Dramaturgicheskoe tvorcestvo Kuprina [Dramatic creativity of Kuprin] / T.A. Kaimanova // Kuprinskaja jenciklopedija [Encyclopedia of Kuprin] / Ed. by T. A. Kaimanova. — Penza, 2016. [in Russian]
7. Kuleshov F.I. Tvorcheskii put A.I. Kuprina. 1883-1907. Khronika zhizni i tvorcestva A.I.Kuprina. 1905 - 1911 [The Creative Path of A.I. Kuprin. 1883-1907. Chronicle of Life and Creativity of A.I. Kuprin 1905 – 1911] / F.I. Kuleshov. — Minsk : BGU, 1983. — 351 p. — URL: <http://kuprin-lit.ru/kuprin/kritika-o-kuprine/kuleshov-tvorcheskij-put/index.htm> (accessed: 20.05.2023). [in Russian]
8. Kuprin A. I. Sobraenie sochinenij: Poedinok [Collected Works: Duel] / A. I. Kuprin. — M.: Pravda, 1964. — Vol. 4. [in Russian]

9. Kuprin A.I. Sobranie sochinenij: Jug blagoslovennyj [Collected Works: Blessed South] / A.I. Kuprin. — Moscow: Fiction Literature, 1973. — Vol. 7. [in Russian]
10. Minskii N.M. Genrikh Ibsen: Yego zhizn i literaturnaya deyatelnost [Henrik Ibsen: His Life and Literary Work] / N.M. Minskii. — M.: RUGRAM, 2020. — 70 p. — URL: http://az.lib.ru/m/minskij_n_m/text_0130.shtml (accessed: 20.05.2023). [in Russian]
11. Morua A. Literaturnye portrety [Literary Portraits] / A. Morua. — Rostov-na-Donu: Feniks, 1997. — 512 p. [in Russian]
12. Odesskaya M.M. «Gedda Gabler» na rossiiskoi stsene: zhizn vo vremeni ["Hedda Gabler" on the Russian Stage: Life in Time] / M.M. Odesskaya // Teatr. Zhivopis. Kino. Muzika [Theatre. Painting. Cinema. Music]. — 2022. — 4. — p. 55-70 [in Russian]
13. Stanislavskij K. S. Sobranie sochinenij [Collected works] / K. S. Stanislavskij. — M.: Iskustvo, 1954. — Vol. 1. [in Russian]
14. Sudya i stroitel. Pisateli Rossii i Zapada o Genrike Ibsene [Judge and Builder. Writer of Russia and the West about Henrik Ibsen] / Comp. by B.A. Erkhov. — M.: Rudomino, 2004. — 528 p. [in Russian]
15. Tolmachev V. M. A. Blok i G. Ibsen: opyt komparativnogo issledovanija [A. Blok and H. Ibsen: Experience of Comparative Research] / V. M. Tolmachev // Vestnik PSTGU. Serija III: Filologija [Bulletin of PSTGU. Series III: Philology]. — 2016. — 2 (47). — p. 45-61. [in Russian]